

Е. А. Гордиенко

*(выпускник 1972 г., член-корреспондент НАН
Украины, заместитель директора Института
проблем криобиологии и криомедицины НАН Украины,
доктор биологических наук, профессор)*

К лету 1970 года мне, студенту гр. РБ-33 радиофизического факультета ХГУ имени А. М. Горького, и моим однокурсникам Коле Веселовскому и Славе Онищенко приспичило жениться. Жили мы тогда небогато, но вполне сносно. Родители помогали, чем могли. Стипендия в 45 рублей позволяла периодически посещать рюмочную, расположенную на Сумской под рестораном «Люкс» с кодовым названием «Три мушкетера» или расположенный напротив «Затышок» — филиал фирменного магазина «Соки — воды», которым в то время заведовал известный в городе торговый авторитет Леня Портной. Короче говоря, на свадьбу надо было заработать, а заработать в то время более-менее крупную сумму студенту можно было на каникулах в студенческом стройотряде.

Комитет комсомола университета назначил командиром стройотряда нашего однокурсника Витю Кушнера, а я был приставлен к нему комиссаром, потому что уже имел опыт работы в стройотряде и поступил в университет после службы в рядах Советской Армии. Наш стройотряд направили в Казахстан на строительство школы республиканского значения под Кустанаем. Большинство студентов членов стройотряда не являлось «копенгагеном» в области строительных работ, но уверенности придавало то, что наш отряд был укреплен группой «бывалых» строителей, на опыт и поддержку которых мы возлагали большие надежды. Это были преподаватели разных вузов Харькова и примкнувшие к ним лица явно сверхстуденческого возраста. Как оказалось, ларчик открывался очень просто — заработки в стройотрядах не облагались налогом, и это использовалось предприимчивыми «бывалыми», очевидно, не без помощи высокого комсомольского и партийного руководства.

Открыть школу, которую мы приехали достраивать, намечалось в конце августа, к началу нового учебного года. Однако к моменту нашего приезда школа еще не имела ни крыши, ни окон, ни дверей. К тому же отсутствовали необходимые для работы материалы. В небольшом объеме стройматериалами были обеспечены только работы по бетонированию нижнего этажа и подвальных помещений. Через полмесяца стало понятно, что нас здесь не очень-то ждали и что хорошо заработать не удастся. Почувствовав неладное, за нашей спиной группа «бывалых» заключила

сепаратный договор о строительстве то ли коровника, то ли свинарника в каком-то ближайшем поселке и неожиданно для нас покинула стройотряд.

Положение стало критическим. Боевой дух оставшихся ослабевал с каждым днем. За развал стройотряда комсомольский штаб, который курировал работу харьковских стройотрядов в Кустанайской области, отстранил Виктора Кушнера от командования стройотрядом и отправил его в Харьков, а «козлом отпущения» назначил комиссара, то есть меня. Я хорошо понимал, что комсомольские вожаки были не заинтересованы выносить сор из избы, поскольку, очевидно, сами были замешаны в доукомплектовании стройотрядов «бывалыми».

И тут помог случай. Из ЛТП очень кстати выписался прораб нашей стройки и с пионерским энтузиазмом возглавил нашу работу. Правда, по-прежнему, фронт работ фактически отсутствовал, и поэтому люди работали, не закатывая рукава. Но зато без усталости вел командирскую работу я. Каждое мое утро начиналось с покупки бутылки коньяка «Бренди», пары банок кильки и полбуханки хлеба. Надо отметить, что как раз во время нашего пребывания в стройотряде цены на выпивку повысились примерно на одну треть, и это было особенно неприятно в связи с предстоящей свадьбой. Правда, в тот момент это обстоятельство меня не очень беспокоило, поскольку новоявленный прораб сразу же выписал на мое имя премию за ударный труд с условием, что она будет расходована на благие цели.

Наше с прорабом утро начиналось с употребления вышеозначенных бутылки коньяка с килькой, после чего, будучи в благоприятном расположении духа, прораб закрывал нам наряд на несколько тысяч за производство каких-то, одному ему известных, работ. Ближе к обеду мы садились в «Газик» и отправлялись в Кустанай обедать в местном ресторане общепитовского разлива. Обед в конечном итоге завершался оформлением наряда на еще более крупную сумму. К вечеру я с трудом добирался в расположение стройотряда, чувствуя за спиной ропот недовольных моим ежедневным безответственным поведением товарищей. По понятным причинам я не делился информацией о результатах моей трудовой деятельности со всеми членами стройотряда — правду знал только Слава Онищенко.

Короче говоря, к концу августа мы указанным выше способом заработали довольно значительную сумму. Особенно отличился Николай Веселовский. Дело в том, что он в глубине души был настолько интеллигентен, что поручить ему какую-либо более-менее путную работу

не представлялось возможным. Поэтому он был назначен на самую подходящую для умственно полноценных людей работу — клепку цинковых труб для водослива. Если не ошибаюсь, склепал он всего несколько полуметровых труб, а наряд описанным выше способом был закрыт прорабом на несколько километров.

В результате титанической работы нашего стройотряда недостроенная школа была сдана в эксплуатацию досрочно, в последних числах августа, а начальник строительства получил почетное звание «Заслуженный прораб республики». Присуждение этого почетного звания надо было достойно обмыть, и мы договорились, что он выпишет на нас крупную премию, одна часть которой будет выплачена членам отряда (аккредитивом и частично наличными), а другая пойдет на организацию банкета в честь успешного завершения строительства школы республиканского значения и присвоения начальнику почетного звания. Особо отмечу, что в те времена оплачивали работу стройотрядов не наличными, а аккредитивом, который можно было обналичить только после прибытия в Харьков. Это делалось для того, чтобы стройотрядовцы не пропили львиную долю заработка по дороге назад и вели себя подобающе. Выдача нам премиальных наличными являлась грубым нарушением этого правила.

На следующее после банкета утро ни в расположении стройотряда, ни в автобусе, который должен был везти нас в Кустанай на торжественный митинг по поводу окончания работы харьковских стройотрядов, почти никого не было. Пришлось ездить по поселку и собирать всех по крупицам. Хорошо, что я знал, кто, где и с кем ночует. На митинг в Кустанай автобус прибыл с большим опозданием. Обиженный комсомольский начальник зашел к нам в автобус, увидел прилегших на сидения глубоко задумчивых и обессиленных членов нашего стройотряда и дал команду не выходить из автобуса, а отправляться сразу к поезду на вокзал, чтобы не позорить светлое имя комсомола.

По прибытии в Харьков я обналичил аккредитив и распределил деньги всем членам стройотряда в строгом соответствии с количеством отработанных ими дней, в том числе раскольникам и Кушниру, о чем теперь искренне жалею.

Выпивку на свадьбу я покупал по блату у Лени Портного на складе под магазином «Соки воды», где, кстати, был расположен зал, в котором собирались и обсуждали свои проблемы директора харьковских ресторанов. Из всех имевшихся на этом складе напитков я видел или слышал всего несколько названий и поэтому остановил свой выбор именно на них.